

К 1394406

**валерий архипов
выдумки мага**

СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ВАЛЕРИЙ АРХИПОВ ВЫДУМКИ МАГА

Вологда 2008

Валерий Архипов родился в 1951 году в Монголии. В 1970 закончил техническое училище, в 1999 - литературный институт им. Горького. Работал киномехаником. Пишет стихи всю жизнь. Член литартели «Ступени» с 1991 года. Публиковался в пресс-релизах литобъединения, в областных газетах «Русский Север», «Красный Север», «Свеча». Автор поэтических сборников «Съемка рапидом», «Резервация», «Страсти по Евтерпе», «Клипы»(совм. с Д. Файзовым), «Время дуэлей». Член Союза российских писателей с 2002 года. Участник поэтического фестиваля М-8 2007 года. Записан на первом диске «Утренние стихи» (2004) «Выдумки мага» – новая книга талантливого автора, в нее вошли стихи последних лет и избранные произведения из двух предыдущих сборников.

Часть 1. ВСТРЕЧИ И РАССТАВАНЬЯ

Сначала расставанья, а потом
Попытки встреч, пускай порой недлинных;
На всяких там Московских и Неглинных
Ни сном, ни духом, ну а лучше сном.

Пускай мы спим, а кажется - горим
Огнем с небес таким неугасимым,
И будто я был теплым и красивым,
Таким, как на закате Древний Рим.

И ты была волною в той войне,
Которую я вел великодушно.
Без крови та война была, и нужно
Нам было переспать в другой стране

И потеряться, и детей рожать,
Да испытать эпоху на зуб медный...
Я пред тобою словно рыцарь бледный.
Заря зажглась. Пора пшеницу жать.

Я не спал в эту ночь.
Да и надо ли, в сущности, спать...
Может, в небо звездой
Иль метнуться бы камнем да в реку?
Все равно музыкант
Будет клавиши милой ласкать.
Пусть ласкает до слез,
Ведь приятно ему, человеку.

Я не спал, ну и что?
Не увидел кошмарного сна.
Раз десятый во мне этот сон
Пресловутый кочует.
А за окнами лес,
А за окнами бродит весна,
А за окнами нищий
Березкам ладошки врачует.

Может, просто ворваться
В тот клевером пахнущий зал
И спросить у судьбы,
Где она остановка такая...
А потом тишина.
А потом - как сквозь зубы, вокзал.
И - опять тишина.
Это я без тебя умираю.

Последняя осень.
Последний убогий трамвай.
Последний Иуда
Считает последние сроки.
Любимая, что ж ты?
Вставай, дорогая, вставай!
Сегодняшним днем
Мы с тобою не так одиноки.

Как чудны леса,
Что мелькают в полуночной мгле!
Там стонет нечистый
И манит меня на кладбище.
Но ты не пугайся, поверь,
Что на той стороне
Последний подсолнух
Под ветром отчаянным свищет.

А в горле и боль,
И кусочки несояной ржи.
Как рана, душа
Разболелась от звонких объятий.
Поймем и простим
Через смрадную патоку лжи
Всех тех, кто пройдет
Через нас.
А пройдя - не заплатит.

Смотрю ,как, безумные, рвутся олени
В твоих яснокрылых зрачках.
От скопища страсти до вязкости лени
Всего лишь обыденный страх.
Он в горло толкает какую-то смуту,
И смуты той нету милей.
Пусть парусник кроткий
Корежится круто
Над бедной дорогой моей.
Все стены да стены, да белые замки,
В заплатах сухих облака...
От черной лачуги к лебяжьей осанке
Всего лишь четыре шага.
И все же четыре ступеньки - как много!
Спаси, сохрани и отринь.
Пусть целая вечность до господа бога.
Скажи ему просто «аминь».

Басурманят опять снегири
На застывшем от холода поле.
Ты, поэт, свою душу не рви.
Ей, родной, уж не вынести боли.

Ведь она у поэта светла,
Ведь она не привыкла к угрозам,
И стихи, что сгорают дотла,
Для нее будто детские слезы.

Мы напишем еще и прочтем,
И уйдем, как уходят в иное,
Помолчать на родительский дом
На рассвет в белоснежном покое,

На застывших в полях снегирей
И на женщин не в меру усталых...
Дорогая, прости и согрей
Певчих наших. Они не для славы.

Она сегодня плачет от дождя,
А завтра, может, от косого шрама,
Которым напугает, проходя,
Шурша листвой, артист хмельной из драмы.

И некому ее остановить
И разделить обертку, что на теле.
А на душе - желание любить
Стрелять валькирий и дрожать в метели,

Заглядывать в окошко, где луна
Щербатым блюдцем успокоит раны.
А дальше голос: «Друг, налей вина!
Любимая подай-ка нам стаканы».

Седобородый старец января,
Лингвист душевных ран необоримых,
Мне говорил: «Смотри, опять заря
Сердца сжимает у твоих любимых».

А где мои любимые, бог мой,
В каких они причудливых пределах?
Одни, наверно, прячут паrandжой
Горящее от вожделенья тело.

Другие пьют кипящее вино,
И ноги их так невозможно белы.
А кажется, что это все давно
Сгорело и погасло до предела.

Но все равно в сияньи белых лун
Пока живу, имея вид, оснастку,
Одну тебя люблю, как жертву гунн
Или паяц, срывая с лица маску.

Вот снова дверь. Там заморожен опыт
Моих Любовей, страхов и страстей.
Там звуки злы: то хлопанье, то рокот,
То пьяный танец от любви моей,
То страх державный по равнинной зоне,
По зорям достославным на дворе,
По злым оскалом псов на посторонних,
По смрадной белке, умершой в норе,

И по моей единственной, красивой,
С которой не сравнится и река...
Вздохнет за мной и содрогнется ива,
Пришедшая в мой мир наверняка.
Гуляем до утра, играем в платья.
Пьем пунш. Иной нам кажется своим.
А ночью обнаженные объятья
Чужим стрелкам мы все ж не отдадим.

Фриволен бег твоих изящных рук
По клавишам разбитого рояля.
И звуки здесь - то плач монет, то стук
Единственной, которую не ждали.
Она ворвется, требуя вина,
В прихожей зло срывая жаркий свитер,
Как маленькая гордая страна,
Где каждый третий выглядит убитым.

И я ее одну остановлю,
Слегка рукой ее волос касаясь,
Нежданно вдруг я ей скажу «люблю»,
Скажу и где-то в темноте покаясь.

За какой такой грех мне сегодня не выпала ты?
За какие рулады я бит чьей-то твёрдой рукой?
Заиграет свирель, заскрипят разводные мосты
В моём бархатном сне, над белёсой прохладной Невою.

За какие слова грязью облит мой белый камзол?
За какие потери я жизнь свою даром калечу?
Вот курьерский подъехал и сразу куда-то ушёл
На какую-то вдруг неизвестно, но важную встречу.

Только вот не взыщи, может, снова тебя не найду.
Видно. Где-то запрятали, след распустили по новой.
Ты услышишь мою в пожелтевших ладонях дуду.
Ты увидишь меня в цепенеющей хвое еловой.

Ты почувствуешь стих. Он приподнят, как профиль раба.
Он с прищуром лихим, как у Ленина в Шушенском летом.
Я ору, я кричу... Ты, моя роковая судьба,
Слишком поздним дитём под гармошку морскую пропета.

С тобой я пью вино
Красней, чем рыбья кровь.
За стенкою вдова
Гундит с разбитой вазой.
Ты на секунду лишь
Постой, не прекословь.
Все будет не потом,
Нет, не сейчас, не сразу.

Люблю твой холод, знай,
Твой голос невпопад
Молчишь? Нехороша.
Заговоришь – проруха.
Весь мир для нас с тобой -
Александрийский сад,
А память – босиком
Ступившая старуха.

Я преклонюсь сейчас к твоим плечам
И как оракул свадебный завою.
Ты для меня начало всех начал,
От вздоха колыбельного до боя.

И вот иду, и думаю, и лгу
А может, и не лгу, а по-другому.
Я вижу мир, где ты на тонком льду,
И ты уже принадлежишь другому.

Ах, эта вот поэтическая любовь -
Воспрять от сна, в котором шелк - запястья
И гордый гнев прекрасного лица,
Чарующей и дикой женской власти.

БЕДА

Я поздно понял, что пришла беда.
Ну и пускай, я дверь не закрываю.
Я пью чай и ты со мной, беда.
Попей, ведь ты замерзла, я-то знаю.

Ты многолика. Вот не знаю сам,
Какая будешь? Старая, поди-ка.
Я посетил сегодня дальний храм,
А руки все пропахли земляникой.

Пришла одна. Зажгла на кухне свет.
Смеясь, заторопилась у порога,
Сказала: «Что-то плохо ты одет.
Наверное, давно не веришь в Бога».

Я верю. Вот видишь: образа.
А ты-то что, трухлявая старуха.
А ну смотри, смотри ко мне в глаза,
Ты, существо без времени, проруха!

Ты гниль. А может, впрочем, ты права.
Беда тихонько номер набирает
И телефон мне молча подает.
Я узнаю, что друг мой умирает.

Его жена зачем-то сильно пьет,
Ну а сама она в балете прима
И не старухой - лебедью плывет.
Такая вот уж вышла пантомима.
Простите, это снова дождь идет.

Про тебя

Как развиты плечи твои не по-детски!
Ах, ты не ребенок, пьешь кофе турецкий,
Читаешь Коран и стихи на фарси.
А я пожалел для тебя на такси.

Сказал лишь «мерси»,
Но с рязанским прононсом.
Заправил желудок не виски, а морсом,
И этим горжусь, не стыдясь, не любя.
А впрочем, я врал это все про тебя:

Про плечи, про кофе, и в ушках сережки,
Про то, как мы пели частушки немножко,
Про все это врал я и врать не устал.
Я целую вечность, родная, не спал.
Кричал я и бил от отчаянья вазы,
Пока меня за руку кто-то не взял.

По страницам книг печальных
С ночи к утру, там, где гам,
Пробегусь, как ворон в спальне,
По милединым плечам.

Пахнет старой чернобуркой,
Девой в лавке скобяной,
Пахнет сивою кауркой,
А быть может, и Москвой.

Мы листаем книги эти
И находим в них уют.
Хорошо на этом свете
Дым отечества дают.

Мы его вдохнем спросонья,
Вопия – девятый час!
И хохочет донна, доны
Глубиной весенних глаз.

Летящее

Бежит безумный рикша.

Бежит,

бежит,

бежит.

И колесо у рикши

Переднее дрожит.

А заднее бесспорно

Не требует забот.

Красивый, будто орден,

Восход,

восход,

восход.

Бежит летящей тенью

Красивейшая дочь,

А мне в глаза виденье —

Лебяжья стая прочь.

Из шелеста и дыма

Летящая стрела.

Ведь ты была любима.

Была,

была,

была.

Стихнет лопата, не будет шуршать

Гравий под этой летающей липой.

Некому будет меня хоронятью

Я из обоймы обшарпанной выпал.

Нету гнезда у меня и сумы,

Нету отцовских наказов и баек.

Что ж тут suma. Если нету страны

И не пойми, кто же в доме хозяин...

Нету войны. Но кударам судьбы

Все мы привычны, как ржавые гвозди.

Выйдем на площадь. Мы — белые лбы,

Красной калины звенящие гроздья.

АНГЕЛ МОЙ

Ангел мой, ангел, и кровь голубая,
Сломленный ветром тростник!
Белый, пушистый, - совсем не взлетая,
Выткал из облака лик

Белый, пушистый, - доверчивы строки,
Словно молебны, летят.
Разве поэты уже не пророки,
Белые Пушкины, черные Блоки,
Мысли волшебной каскад?

Белый, пушистый ты снег надо мною,
Господи, сколько добра!
Душу свою хоть на миг да открою
И упаду, оглушенный зарею,
Пулею из серебра.

Белый, пушистый, - упал на крылечке,
Силы бы были поднять!
К утру погаснет заздравная свечка,
К полночи вспыхнет опять.

Вот и опять наступили в миру холода.
Шубу надену, чтоб скрыть роковую
горбатость.

Белый мой ангел губами прошамкает «да»,
Будто бы вновь отправляет навеки в солдаты.
Белый мой ангел, ты кожи не трогай свои
И не пиши ни чернилами, ни акварелью
Белыми буквами в белую книгу любви
Белую память в альянсе с белесой метелью.

Падай мне в руки, лисичка-сестричка!
Холоден твой поцелуй.
В ночь улетает твоя электричка.
Белый, как ангел, июль.

Ночь голубая. В отчаянной скуке
Плещутся сны о причал.
Где вы, таинственно взмывшие руки,
Рвущие кожу на теле разлуки?
И, разлетевшись на капельки-звуки,
Поразбивались у скал.

Кричали птицы в розовой заре
И разрывали белый снег телами,
А я искал на проходном дворе
Одну их тех, которую не звали.

Мой белый ангел, крылья распахни,
Чтоб я тебя узнал из этой стаи.
Твои глаза горели, как огни
На самой главной в жизни магистрали.

Мой бедный ангел, силы сохрани,
Пройди хоть милю, падая от боли!
Ты мне всю жизнь дарил цветные сны,
Крупицу счастья да кусочек воли.

Но, наконец, заботы позади.
Остался лес косматый перед нами.
Еще немного нам его пройти,
Слегка соприкасаясь головами.

Мой белый ангел, силы дай забыть.
Мой бедный ангел, силы дай забыться,
Живой воды из родника испить
И неживой водою мне умыться.

* * *

Этот славный кошмар:
он придуман, он создан не мной.
Пусть я пьян, как клошар.
Если пьян я, то вашею лестью,
вашей лестницей,
очень похожей на план
в преисподнюю,
где бы сгорели мы вместе.
Этот жгучий восторг,
от дыханья которого ждёшь
и рыдаешь в тревоге,
ведь всё уже здесь поразбито.
С «телефонной сюитой» свою паутиночку ткёшь,
чтоб навеки оставаться нетронутой,
но незабытой.
Я не знаю, где «вы»,
ну а где по российскому «ты».
Обращение к «вам» иль к «тебе» -
объясненье так зыбко.
Не смотри на меня
с райских кущ, с неземной высоты.
Я с ума не сойду,
хоть и слышу, как мучают скрипку.
Как кастрируют стих,
как коверкают имя твоё,
над дебелым бельём
твоя свежесть, как море, разлита.
Пусть сгорает в оранжевых красках жнивье.
Ты не думай об этом, слегка утомлённая бытом.
Ну и всё таки в снах
обернусь чернобурой лисой,
серым карликом злым
напугаю тебя до запястья.
Ты сама – белый ангел,
взлетишь над песчаной косой,
над сиреневым облаком,
имя которому – счастье.

В мёртвом озере

В мёртвом озере печаль,
Словно звёздочка, купалась.
Ты приходишь невзначай,
Будто вовсе не прощалась,
Будто не было вины,
Легендарной и дебелой.
Чёрный-чёрный диск луны
Лёг на бархатное тело.

В мёртвом озере печаль,
Словно траур по Европе.
Ты ушла, как месяц май,
Захлебнувшись в сиропе.
Ты ушла, пропал и след,
Лишь качнулась тихо люстра
И простреленный портрет
Закричал, что он – искусство!

Голос тайный, голос чудный,
Голос ветреный и злой,
Голос пепельно-пурпурный
Говорил: «Пойдём домой!»

Только дома вовсе нету –
Ни забора, ни огня.
Песни буйные пропеты
Про отпетого меня,

Про бои мои и войны,
Про разлуки и кресты...
Жизнь – неласковая бойня
В ореоле красоты,

Где у каждого пригорка
Ждёт костлявая тебя.
Хлеб, махорка, самогонка
Не спасут от злого дня

Не удержат рокового.
Только если в тишине
В золотой рубашке ворон
Проворкует обо мне.

Проворкует всё, что было
И что не было, продаст.
Чтоб звезда меня убила
По прозванию Пегас.

Тропа привела на задворки
Великого гнева её.
Глазами убитого Лорки
Сияло под солнцем тряпье,
И в этом тряпье нетушимом
Как будто в запястье впилась
Великая майская сила,
Весенняя сочная грязь.
Воинственно выла ворона.
Блистала безумная брошь
На правой груди у танцора,
Бросавшего в публику нож.

Я рву твои стихи,
Пропахшие помадой.
Потерянные дни
Впились в календари.
Ты молода, как стон
Неведомог, как лес,
Где боятся глухари.
Я жгу твои следы,
И ни один наводчик
Их не найдёт потом
На краешке стола.
Я зол, как океан,
Я страшен, будто лётчик
Пред белою землёй,
Что через час - зола...

Рвутся струны гортани,
Стонут жилы души.
Мы с тобой в океане
Чувств, живущих в глухи.

Им легко, одиноким,
Зарываясь в песок,
Ждать счастливой дороги
По прозванию Пророк.

Что он думает, вещий?
Что он, вечный, решит?
Жизнь моя стала вещью
По прозванию Стыд.

Только сроду не больно,
Ведь не дым из трубы.
Все мы будто на бойне
Мясники и врачи.

Пацаны и молодки -
Что им кровь или слизь ?
Все в единственной лодке
По прозванию – жизнь!

И вспыхнет над лесом
Русалочий выводок
Двадцать второго июня.
Ты будешь бранить
Всех туристов, родившихся в бурю.
Захочешь остаться смарагдовым летом,
Кустами, пропахшими впроседь,
Ты будешь мальчишкой,
Отрезав свои золотые,
Когда-нибудь выпрыгнув в осень.
Над пашнею крест.
Он на небе или над чёрной
Дырою, и холмик зенитчиц
Под ветрами вместе с сосною.
Ты будешь не спать
И мочиться на белый орешник.

Фактически – фея,
Обличьем - ручной пересмешник.
Ты - память отца,
Что ушёл на зевающий запад.
Ты - тонкая нить,
Отделившая ноздри и запах.
Меня отделили
От всякого бренного чувства.
Оставили горечь.
Евангельский подвиг. Искусство.

На голое тело халатик накинь-ка
И спину прогни, словно солнечный Эрос.
А пальцы твои в освежающей синьке,
Как сороконожкины дети, въелись.
По непонятному взмаху крыльев,
По непечатным восторгам лени
Я прочитаю твоё бессилье
Дымочком, рвущимся на колени.
А в замке - пролитое мартини
И вечно жрущие дуэлянты.
Всё это детство, где мы любили,
Где каждый вторник, как два брильянта,
Где наши спины сводило страхом,
Тревожным страхом в обнимку с болью...
Ну а кому-то - как сон монаха,
Который ночью вдвоём с любовью.

А когда ты пришла на рассвете, то ли боль, то ли хмель хватая,
Он подумал, что это ветер обнимал тебя, дорогая.

А когда ты пришла под вечер, он стелил тебе поцелуи,
И шептал, как посол на вече: «Я тебя всё равно ревную».

А когда ты пришла ребёнком на порог в вышитой сорочке,
В голове его звонко-звонко полетели тире и точки.

А когда он пришёл усталый и сказал, что путь его пройден,
Ты дала ему роль вассала, и сказала: «Какой ты гордый»!

А когда он пришёл как быдло, ты хлестала его по роже.
Мне казалось, что это было между Аloy и Белой Розой.

А когда вы скрестили шпаги, зарядили ядрами пушки,
Со стены на листке бумаги хохотал, как ребёнок, Пушкин.

Осень

Сегодня велик он, а завтра, быть может, смешон.
Поэт нечестивый, монетку последнюю бросив,
На девочку, что надевала цветной капюшон
На голое тело. А было ведь холодно, осень.
А он любовался: какая у девки спина!
А что за спина – две худые-худые лопатки...
Хозяйка роптала: «Опять к вам пришёл сатана,
А вы, не заметив, ему согреваете пятки».
Поэту казалось, что были здесь крылья любви.
Давно не взлетали, с тех пор как, любовь свою сбросив,
Они коротали свои беспокойные дни
На Плас де Пигаль. Ничего нет здесь странного, осень.
Поэт подошёл, и, зарывшись лицом в волоса,
Вдохнул пять морей и четырнадцать выпитых кружек.
И если б он видел глаза её в робких слезах,
Он сердце б своё подарил бы ей, дикой, на ужин.

Мечты о белом рояле

Ты мечтала о белом рояле,
О любви в перезрелой траве,
О зелёной прозрачной вуали
С белой бабочкой на рукаве.
Я сидел на веранде печальный,
Смыв свой стих в белоснежный комок,
И пришла ко мне жуткая тайна.
Я её пересилить не смог.
Ты пришла, попросила напиться,
Как подранок, прибившись у скал.
Как же можно в тебя не влюбиться,
Я так долго такую искал...
Я всё ждал: подойдёшь и расскажешь.
Я скажу – не печалься, держись.
Прилетит за тобою отважный
Белый шарик, похожий на жизнь.
Ну, смелей, нам не выдержать скуки!
Осторожный ведём разговор.
От свиданья до горькой разлуки
Восемь спичинок да Беломор.
А на щёчках румянец немножко.
Но о чём нам с тобой говорить?
Сочный запах печёной картошки
Вызывал ощущение жить.
Ты дышала, как два листопада,
Проклиная заоблачный рай.
Ты хотела любить до упада...
Где твой белый красавец рояль?
Ах, какие роскошные плечи!
Сладок лифчик, упавший к ногам.
Грудь, живот, дальше девичий вечер.
Я его никому не отдам.
И когда, разомкнувши объятья,
Вылетаешь душой на простор,
От тельняшки до белого платья
Восемь спичинок да Беломор.

В безумии своём удача не права.
Она то вверх швырнёт, то на скаку бросает.
Опять передо мной стена, стена, стена,
Зелёная стена без логики и края.

Логичен жест ветвей, направо унеся
Весёлый бег листвы на красоту румянца
И чай-то рыжий шут поёт про короля,
Воссозданного им из меди и фаянса.

Я потерял тебя в той суматохе. Ил
Был под ногами смел, и лопались надежды
И, слова не сказав, всё ж я тебя любил,
Вкусив губами стыд пустынницы кромешной.

Скажи губами, чёрными от лжи,
Что ты не любишь мой бродячий ужин,
Моих коней, мой лес и миражи,
В которых я тебе совсем не нужен.

И всё-таки мне правду сочини,
Сухой рукой сотри дождинки с тела,
В которой я купался без предела...
А может, это были миражи.

Целую сны твои, вторгаясь вниз
По лестнице, пока ещё крылатой.
Зажгу звезду, как зажигал когда-то
Твой вечно исполняемый каприз.

ВОСЬМИСТИШИЯ

Не кусайся, волчонок негибкий,
Не рычи на добычу мою.
Вот аквариум «Спящие рыбки»,
Вот рыбак, прикорнувший к рулю,
Вот весенний пугающий лучик
На моей заблестел бороде,
А на шее - серебряный ключик,
Зайчик солнечный в грязной воде.

Польский пан предлагал за тебя миллион.
Я убил его вежливым «не понимаю».
За стеною рычал дорогой саксофон,
Как садист на девятое пьяное мая.
Ты одна у меня без капризов и слов.
Млечность мигов разлей по бокалам и тропам.
Я - жокей Неудача, ты прима Затей.
Мы - два пленника снов белокурой Европы.

Уходит всё, как с рук вода:
И города, и даты.
А мы на ниточке любви
Безмолвные солдаты -
Без лишних бравурных одежд,
Без хлеба и без соли.
Лишь только воздух дивно свеж
В ареопаге боли.

Вы уходите в алый сон,
От которого нет огня
И, насилия патефон,
Забываете про меня.
На игле дребезжит овал
Всех моих тревог и потерь,
И вскипает девятый вал
На мою потайную дверь.

Мой вечер

Скорый мой вечер:
любимая,
пальцы,
словарь.
Вечный паук,
От лиловых обоев ослепший.
Треск полыни за окном,
и как будто бы встарь
Было всё то,
Что сейчас ощущаю я, грешный.
Дивный мой вечер...
Ах, как бы его не сронить.
Тёплые тапочки,
шарф,
пианино и книга.
Тонкая, словно
Какая-то странная, нить.
Вечер мой – жизнь моя –
Из дуновенья и мига.

Губы

Пусть говорят, что я лукавый маг;
Все маги от рождения лукавы.
Но на губах моей любимой мак,
И значит, эти губы не кровавы.

Они черны, нет, синие, как ночь!
Холодные, как утро перед казнью.
Влажны, грешны – они хотят помочь,
Ловя мой шарф, прошитый белой вязью.

Я думал, что праздник, а вышла беда.
Проказливо ночь верещала по саду.
В душе у меня для тебя лебеда,
Л может быть, лебеди там за оградой.

А может, таинственно сквозь немоту,
Сквозь взгляд, проникающий в плоть босоного,
Я выбрал единственно милую ту,
Что мне предназначена Господом Богом.

Тщеславия весёлый уголок
Пусть воспарит немного и потешит.
Чуть свет, и я у ваших дивных ног,
Как Грибоедов, холoden и грешен.

И – говорлив после четвёртой зря.
Не надо бы глотать её, родную.
А с берега мужик кричит: «Заря!»
А я с зарёю этой одесную.

Какая она, словно выпавший снег
Дождинка, упавшая капелька воска?
Как двадцать четыре часа до погоста
С горы ледяной восхитительный бег.

Какая она – не узнает чужой,
Лишь только поэту пристало разведать,
Какие нужны ей пиры да беседы.
Она в них иная и я в них иной.

Словесной дуэлью я был накануне убит.
Бежала слюна из открытого рта понемногу.
Средь рощи стыда через вешние воды обид
Дурманящим посохом я пробиваю дорогу.

Но я поднимаюсь, очистив колени от ран,
Каменья стряхнув, я себя очищаю от скверны.
В одну из красивейших,
Богом обласканных стран
Уеду. И там успокоюсь, наверно.

А может, вы нагая мне близки.
Блистаёт грудь и брови – полумесяц.
Объятия и руки как листки
Календаря. В нем столько околосиц,
Неправд, и кривд, и разной суety...
А где любовь? Она там ночевала.
Изгибы все, все родинки, черты
Чертенка, что с похмелья после бала.

Вот я с тобой. Раскладывай пасьянс.
Греши на вещи, на температуру.
Как разнится наш бурный мезальянс!
Как будоражит нас твоя фигура!

Без фиговых листков стоишь, любя
Шумливый ор среди горячей случки.
Ты Случай мой, ты Подвиг короля,
Влюблённого в танцующие тучки.

Твой маленький Пушкин хотел умереть
На паперти детских затей.
Как только смогла ты на небо взлететь?
Воскликни, скажись поскорей!

Я тоже. А впрочем... Какая печаль.
Лететь – не лететь, а страдать?!
И всё же на облачко белое жаль
Босыми ногами не встать.

ИЗ НОВОГО Панский пирог

Позолоченным клювом кивала старуха-луна,
Неизбежная сводница всяческих наших свиданий.
Может быть, ты измеришь когда-то и мне расстоянье
От избушек лесных до холщовых болот, где война.

Обрастает рассветом моя нестерпимая боль,
Где коричневый грач настучал мне секретные сводки,
Что к тебе направлялся, одетый, как нищий, король
Из любви к тебе шёл, да упился и умер от водки.

Отрешённо, как дева, вкушившая панский пирог,
Ты сидела вся в неге средь евнухов злых и сиделок.
Я с тобою там был как вертлявый охотник на белок,
А потом попросил, чтоб недолгий мне выдали срок.

Ах, как вкусен он был, этот в сумерках панский пирог!
Там стихи о любви без объятий и всяческих кружев,
Без холёных волхвов и без всяких намёков на мужа:
Тот, кто мужем хотел быть, покинул наш майский чертог.

Потому-то и пью всё подряд пополам с мертвениной,
То ли в счастье впав, то ль в маразм, никого не виня,
А какой-то пацан закричал вдруг: «Огня мне, огня!»,
В ту последнюю ночь перед боем успев стать мужчиной.

Вот и лодка за нами к холодному брегу пришла.
Забирайся на борт, где кувшинок печальных останки.
Мы с тобою вдвоём проплыvём через все полустанки,
Через все наши родины и не найдём ни кола.

Взяв залитый квасом бубен,
Я решил скорей по пьянке:
Пусть тебя целует Рубенс
Сквозь века, на полустанке.

Пусть тебя целует ветер,
В ноги бьётся ошалело.
В тыкве рыжей, не в карете
Ты своё лелеешь тело.

Рвёшься на свиданье с принцем,
Рыжий клоун он намедни.
У меня стрельнул он «Винстон»
На виду у всей деревни.

Ты бежала, хоть тихоней
Мне казалась поначалу,
А приснилась ночью – Сольвейг
С волосами как мочало.

Стало страшно. Ночь глухая,
Пропади она, просетуй.
Продавщица тётя Хая,
Дай мне водки, хоть вот этой.

Я опять напьюсь и с улиц
Побегу в поля пустые.
Пусть тебя целует Рубенс
Прямо в губы холостые.

Где там гонец с ослепительной вестью,
Где там гонимые беженцев рати?
Как ты мне нравишься там, в Поднебесье,
В рифмах нечаянных, в бешеном платье.

Где там слоны, и солдаты, и drogi?
Как там ноктюрн из поломанных пальцев?
Где Праотец средь влюблённых убогих,
Сны стерегущий шальных постояльцев?

Мы – постояльцы, два острова белых,
Двое в хворобе и муках телесных.
В яблоках наивкуснейше спелых,
В мире, где кончились пляски и всплески,

ИЗ ПРОШЛОГО Из «Времени дуэлей»

Добрый сказочник – грех,
ты моя роковая усталость.
И перчаток не снять,
и с собою теперь не в ладу.
Я пришёл не для всех,
мне нужна только самая малость:
лишь бы ты услыхала,
какой я срываю успех.
Превратись хоть на миг
в доброту,
в чистоту,
в недотрогу,
сотни истин простых
под рубашкой холщовой храня.
Смех горчит на губах
и выводит меня на дорогу,
словно злая любовь –
беззаботная флейта твоя.
Добрый сказочник – грех,
но печален твой образ ужасный.
То ли сладок роман,
то ли горек на свадьбу пирог.
Я хочу целовать эти руки,
что бьются так страстно
по роскошным камзолам,
пропитанным пылью дорог
Опалённая злом, ты ещё ничего не забыла.

Но солдата хромого
без памяти ты полюбила.
Как вступленье в катарсис
безумная флейта твоя.

За ёлочкой

За ёлочкой пошли,
Ты стала мне кричать:
- Не тронь её бока,
Ведь ей пора рожать!
За хвою не берись,
Она слаба, как ночь!
- А ну-ка отвяжись,
Ведь ты бралась помочь.
Ну, дай смахну снежок,
Что в волосах стожком.
Да, есть один грешок,
Хотел веселья в дом.
Вон, видишь, в стороне
Одна лежит в снегу,
Тебе кричит да мне:
«Я больше не могу,
Возьмите вы меня
Из леса в тёплый свет.
Я буду там в огнях,
А здесь мне толку нет.
Я хоть неделю там
Нарядной постою.
А свой зелёный храм
Я больше не люблю».

Падкий папоротник пляшет
Перед прыткой побиушкой,
Мы с тобой играем в прятки:
Я - старик, а ты – старушка.
Ты скрываешься под печкой,
Под дубовою скамейкой;
Ты покатишься колечком,
Уползёшь вертлявой змейкой.
Я запрячусь под диваны,

За шкафы и за обои,
Влезу в старые романы...
Нас тут много, нас тут двое.
Мы с тобой играем в прятки,
Мы с тобою не рискуем.
В уголке тебя украдкой
Я найду и поцелую.
Ты теперь моя навеки,
Я твою вдыхаю кожу,
Мы – всемирные калеки –
Спим на звёздно-синем ложе,
Дышим тихо, и надменно,
И сплетаясь ааволосами...
Я – юнец обыкновенный,
Ты – с бездомными глазами...

«Окайанный»

Качаясь, гаснет свет под потолком,,
Немножко несговорчивый и вялый,
И мы сидим, безумные, тайком,
Чтоб нас не обнаружил окайанный.

Какой-то, с виду вовсе неживой,
Хрустит, шуршит и всё так без ответа.
Ты посмотри, хоть глаз один открой,
Ведь у него совсем лица-то нету.

Без трепета не можешь ты никак,
Совсем тебя, бедняжку, запугали.
Как хорошо, что нету тут зевак,
Они бы нам, наверно, помешали.

Вот, как сказал, всё стихло, и опять
Чудесный свет возник, как аллилуйя,
Ах, так хотелось в этот миг обнять
Твой поясок за миг до поцелуя.

Мой невесте ноги...

Мой невесте ноги,
Ведь она устала.
До зари на горке
Зелье собирала.
И в пути несладком
Ей светил возничий,
И пугал нечистый,
И менял обличья.
Под рукахой зелье
Для мужицкой силы.
Женихов жалеют,
А она любила.

Играем Стриндберга, а хочется вина
И женщину – хотя бы и любую,
Не обладать, а лишь сходить с ума,
Переживать, печалиться и ревнуй.
Учите роль, пока мы живы все –
Красивые, весёлые, смешные,
А кажется, что всё это во сне:
На стол вино, ромашки полевые.
Играем Стриндберга, а за окном война.
Весна и лето – что это такое?
Кольчужка, шлем, да злые стремена,
Шелковость губ, дыхание лесное...

Будет февраль

Если захочешь, то будет февраль непременно.
Выберем место среди непрочитанных книг.
Кончимся мы и опять застrekочет по нервам
Скрипкой суетной строгий сутулый старик.
Кончимся мы, потеряем нечаянно разум,
Будем искать среди выюги, среди чистоты.
Юный художник уйдёт умирать от проказы,
Вечной печальнице в дар оставляя холсты.
Кончимся мы. Февралю умирать неохота.
Время дуэлей я должен допеть до конца.
Девочка-ложь, ты моя роковая забота.
Слушай, красотка со шрамом косым в пол-лица,
Ах, как любил я чужие да злые забавы,
Как ненавидел с вином и закуской столы,
Как я хотел переменчивой суетной славы,
Как я боялся суда оголтелой молвы...
Только нетронутый горестно-чувственный вечер,
Женщина в алом (а может быть, в чёрном – как знать?)...
Волосы гимном кружились и бились о плечи,
Белой опушкой встревоженно стыла кровать.
Как ей сегодня, наверно, со мной одиноко!
Праздник рождения – пируйте, друзья, а потом
Поздние слёзы придут высоко-высоко,
Странная жалость свернётся под кресло клубком.
Кончимся мы. Собирайте в баулы потери.
Злость одолела. Давайте в перчатку свинца.
Что ты стоишь, не закрыв, удивлённая, двери?
Время дуэлей. Я должен допеть до конца.

Часть 2 СТРАСТИ ПО ЭВТЕРПЕ

ПОЭМА РАЗНОЦВЕТНЫХ ВОЛОС

БЕЛОЕ

Белая станция в белом сиянии.
Ваше сиятельство, выйди к барьери. ∴
Белая роза дает подаяние
белому ворону - офицеру.
Бел карусельщик. Плохи его десны.
Пышку изгложет и то поперхнется.
Белые некорабельные сосны!
Солнце вам в белые души плюется.
Пепельный цвет пацана из Дахау.
Девочка, что ж вы так долго любили.
Спелые вишни на ветках усталых.
Спелые вишни упали, разбились.
Ну так пируйте, но знайте хоть меру.
Злые вассалы, шуты, интриганы
Самую лучшую в мире гетеру
бросьте рассерженному хулигану.
Только ни капельки светлой слезинки.
Кровь голубая горит словно всполох.
В лужах зеркальных держись невидимкой.
Белыми нитями падает волос
на канапе тополиного пуха,
рядом гадает, смеется старуха.
Будет ли принц? Не коверный ли рыжий?
Ближе любимая, где же ты, ближе...
Хочется думать о маленьком сыне,
страхи придумывать там, где и нет их.
Так и останутся в днях этих светлых
белые волосы Екатерины.

ЗЕЛЕНОЕ

Ворожит лист десятое число
И где-то филин ухает тревожно.
Трава, в которой умирал Рембо,
как волосы твои неосторожна.
Последний бой за счастье, за успех.
Отдайте струны горестные эти.
Ведь ты среди живущих лучше всех
на самых горьких том и этом свете.
Кто скажет, что держать тебя слабо
на прутике земного бездорожья.
Трава, в которой умирал Рембо,
как волосы твои неосторожна.
Как все- таки мелодия права.
Она тревожит, ранит, глушит, губит.
И тем, кто чувства прячет в рукава
она последний подвиг не отсудит.
Любить и петь, с друзьями пить вино
уже сильней и слаще невозможно.
Трава, в которой умирал Рембо,
как волосы твои неосторожна.

ЖЕЛТОЕ

Помнишь, разбились.Пошли на посадку.
Вокруг НЛО, кэгэбисты крутые.
Волос твоих тонких цветочная грядка
рассыпалась зернами золотыми.
Мой мозг фиолетов,читаем газетки.
Сенсации чувственны ежели редки,
а жены уже пацанов не рожают,
летают они в поднебесье, летают.
Помнишь, разбились. Кому здесь не спится?
Людям с большими как фары глазами.
И медсестричка не спит, матерится, и
Ищет живое над мертвыми нами.
Жду поцелуя, он высох как осень.

Три разноцветных слезинки как чудо.
Мы, неживые, кого еще спросим?
Мы не ушли еще, спим беспробудно.
Спим, догорает веселье шальное.
Возле сортира капелла из зеков.
Вологда - ссылочный ребенок в полвека.
Вологда - долгое поле без боя,
Без интонаций, березок, без песен.
Песни ушли, авиаторов двести
небо застлали своими крестами...
Милая, трудно рождаться, я знаю.
Думаю - воля. Ах нет, недолеты,
злые уроды из памяти встали:
космополиты и космопилоты.
В космосе что-то чудесное с нами.
Помнишь, разбились. Как будто и не жил.
Ты в катапульте творишь выкрутасы.
Помнишь отвисшее знайное небо,
словно фельдъегерша после инфаркта.
Молча вешаешь: докучлив попутчик.
Небо. Ах, это огромное небо!
Молнией свежею как авторучкой
чиркнет автограф. Любви вам да хлеба!
Падает камнем, а надо бы птицей.
Как же такое могло приключиться?
Падаем вместе в полях под Рязанью.
Волосы, желтые от химики
Снимков разбросанных желтая гамма.
Милая! Сколько домов на пригорке.
Милая, кончилась наша программа.
Имя боюсь произнесть ненарочком.
Звуки рассыпались в желтеньких лужах.
Рядышком с озолотившимся Блоком
кружимся в экологической стуже.
Други мои на сенсации падки.
Пусть ты сегодня не с нами, а дома.
Волос твоих тонких цветочная грядка
рассыпалась у моего космодрома.
Мы оба поэты и в желтом виденьи

Наши сонеты и стихотворенья:
запах антоновки и винтовки.
Мой мозг фиолетов, читаем газетки. .
Сенсации чувственны, ежели редки,
а жены уже пацанов не рожают,
летают они в поднебесье, летают.
Помнишь, разбились. Кому здесь не спится?
Людям с большими как фары глазами.
И медсестричка не спит, матерится,
ищет живое над мертвыми нами

ЧЕРНОЕ

Моя любовь как стая волков
грызущих своего собрата,
а впереди немыслимая дата
знакомства жуткого. Мы - дети сентября.
Она бежит через Булонский лес который
не отошел от тягостных пожаров,
а ветра дух - уже немного старый,
он тишину слегка разбередил.
Горит Булонский лес и пляска
огня летит по ветвям обреченным
и живность вся сначала замерла,
потом спасаясь все бросились бежать
ища где тень блаженствует в тиши,
а милая моя не разбирая дороги
все мечется услышав вертолет.
Ах, как устал, приличья соблюдая,
ведь заключить ее в свои объятья
не поздно, право. Треск больших деревьев,
пылающее небо над шатрами.
людского счастья, дальше только море!
Мечта о море. Господи, вода
и блеск волос пречерных и прекрасных
с остатками взмывающего пепла,
похожего так на мышей летучих.
На море штиль. Шарманщик пьет вино
и брызги струй шампанских

нам в лица бьют, смеемся от души.
И ты поешь мне песню
про то как загорелся
Булонский лес. Как черные виденья
монахи разбегались по углам.

Как голубь и голубка
взметнулись ввысь, и как она погасла,
а голубь в исступлены
все повторял: Люблю, люблю! -
склоняясь над телом бедным,
которое покинула душа.
Потом она молчала.
И черный шлейф волос
раскинулся как антрацит в пустыне.
И я сказал: Моя любовь как стая
волков, грызущих своего собрата,
а позади немыслимая дата
знакомства жуткого. Мы - дети сентября,
и года последнего от Рождества Христова;
Она не знала, сон смежил ей очи.
Ей снился лес, который не горел,
который жил и в нем жила любовь

КРАСНОЕ

Красная ночка, а в ней колыбелька.
Ранняя дочка и сад - в нем скамейка.
Скатертью белое небо тревожно падает навзничь
на красные капли из кожи.
Вылезет струйка словес неподвласных.
Красные волосы. Красное в красном.
Кто тут краснеет
от выпитой враз бормотухи?
Были красивые
вы в плиссированных юбках
а стали старухи.
Руки потрескались,
стало их жалко.

Кофтенка уж их не спасает.
Они, словно тучи, над Вологдою промерзают.
А ты? Ты с огнем, видно, дружишь.
В забвеньи беснуется лекарь любви окаянный.
Красных губ и волос полубред, полупохоть
и полужеланье греха, и желание манны небесной.
Я на формуле счастья
несусь с разворотом как тот сумасшедший бразилец.
Ты входишь легка, полубред, полупохоть,
и полужеланье греха, словно брошенный в бурю эсминец.
Уходит пока, неулыбчив студент-забияка.
Любуются люди тобою.
Ты в красном вине, в молоке,
красноватом от ягод восточных.
Может, увеличитель включил.
Ты на снимке при красном таком фонаре.
Время смуты. И ты на каком-то глобальном дворе.
Там танцуют под мертвую сушь лилипуты.
Красной девочке места уже не досталось.
В плену рук лакейских, дрожащих
витрина больших самомнений
бумажных и чувственных.
Разом приходит расплата в любви.
Режут скальпелем душу кровавые пальцы,
теплеют, не знают они про тебя, а зачем?
Было озеро непредсказуемо чудного дня,
сорок восемь маевок и с песнями кладбище
в Солнечном городе, где твои волосы гордые
в красном таком опереньи. Любуюсь.
Беременен лес тишиной в воскресенье.
Гуляю на крохотном острове.
Смерть. Воскрешенье. С тобой.

Будь мою суженой, ворон не заметит,
что мне воин, что палач - детская игра.
Ты была всегда со мной
лучшею на свете,
а теперь меня судьба
гонит со двора.

Захочу чужих обнять
непривычных песен,
из колец твоих льняных тонкая рука,
мир без маленькой Сафо
непригляден, тесен,
я хочу, чтоб свет узнал
как ты мне легка.

Будь мою ты вдовой
слез не проливая,
ярко-красное надень -
это цвет любви.

Между мною и тобой
конница лихая. Спелых яблок коридор.
Дивный сад. Живи.

ДВЕ ПАМЯТИ

Не могу тебя забыть, маленькая тайна,
все я ноги истоптал,
лоб свой искрестил.

Это осень.

Этот сон - лик необычайный.

Эту чувственную жуть
я себе простили.

На коленях я ползу.

Змеи как невесты

Из-за трона моего
долгие шипят.

Если только я солгу
в офицерской песне,
вы забудьте обо мне

вы забудьте обо мне
десять дней подряд.
А потом средь скал и льдин
в море осиянном
Где там румба
где компас - черт его дери,
закричит монах худой
чистое: «Осанна!»
Вспомни все же обо мне
и поговори.
Каплей маленькая боль,
видишь, сердце плачет.
нет, не льдинка, не слеза,
бежевый рассвет.
Сердце рвется из груди,
ребятенком скачет,
заливает дождь слепой
твой шальной портрет.

Посмотри-ка, у меня
гордости немного,
грянет выстрел из окна,
снайпер или смех.
Дом казенный. Скинь пальто.
Вечная дорога.
Ночь прохладная. Игра.
Бешеный успех.
Что вы, троє из земли
вяжете ножонки,
не иначе силой в ад
тянете с собой.
Пестрый бабий сарафан
голос дальний, звонкий.
Глушь. На станции «Пурга»
небо пьет покой.

Посади мою печаль в ломаные санки,
отвези куда-нибудь, брось на пол-пути.
Закопай, прошу тебя. теплые останки,
вот тогда решусь и я звездный путь пройти.
Без печали как легко, с кем ни целоваться,
все равно уж, господа, дело ведь к весне.
Обниматься, токовать, в травах кувыркаться
и с повинною, как псу, приходить к жене.
Ах, жена моя, жена, боль моя и слава.
Ты послушай, что пою, Бог тебя хранит.
На меня уже давно началась облава.
Партбилет моей любви пулею пробит.

ИГРАЙ, ЛЕЛЬ

Я не низок, не горбат, рваная ливрея,
я тобою лишь богат, звездочка Руси.
Я тебя искал всю жизнь, вот и не жалею,
и теперь за мной хула черная ползи.
Вот волшебный перстенек весь из букв и точек.
там слова как на подбор, все на букву «Л»:
люба, любушка, любовь, ласточка, листочек.
Лада, ленточка, лица ласковость и Лель.
Лель под деревцем лесным, Лель ты мой нарядный,
ты не низок не высок, ладен и любим.
За спиной, смотри-ка, лес, елями громадный
Лель, веселый Лель, играй,
просим и простим.

Любимая, мы же ведь скальды с тобой.
Горячие руки, ребячья забавы. Ты рядом,
ты в поезде долгом, где слава.

Любимая, мы же ведь скальды с тобой.
В нелюбственном, диком, наверно, краю
учителка учит «добру» и «глаголу».
Четырнадцать девушек с веероголым
восторгом хрустально рифмуют «Люблю».
Ты словно мираж.

На заплеванный пол
ступает нога твоя бережно, скользко.
В задымленной комнате,
словно бы в Ольстер, пришла ты с мороза
за письменный стол.

Прошу, напиши, близок воздух лесной.
Жду строчку, как будто старушка просвирку,
на фоне окна,

шторы отданы в стирку.

Храни тебя, Боже, в погоде любой.
А надо бежать: малый сон мой с грозой.
Листочки летящие - тонкие струны.
Что, иноходь невероятней аллюра?
Любимая, мы же ведь скальды с тобой.

Я Санта-Клаус! Тихо скрипнет дверь
И ты войдешь. Нет, этого не будет!
Ты просто не приедешь, не придешь,
не позвонишь, ну, а потом забудешь.
Я Дед Мороз! И вновь я не богат.
На Рождество меня и не позвали.
И ты сидишь, и потихоньку пьешь
шампанское с моими нестихами.
Я в полуумраке эти нестихи
кропал в листах, по ним нога ступала
И след рельефом говорил мне: «Ты
забудешь все и все начнешь сначала».

А это значит : Господи! Москва!
Чужие стены и чужие руки
а сердце не желает знать конца,
не хочет слов и песен о разлуке.
Любимая, ну все таки пропой.
Поешь, дитя, а память как из стали.
Девичий бред и злые голоса
и струн твоих немыслимый гербарий!
Листочек клена, в нем твои черты
запечатлел безумный рисовальщик,
а написал об этом я, прости,
по возрасту - старик, душою - мальчик.

Разбили стекла в наших витражах.
Кричат: - Обуйся! Дураков порежем! -
и мы с тобою на большом манеже,
где звери-птицы дохлые вопят.
А мы опять витаем в миражах,
свою заботу, словно дочку, нежим,
а кажется, что красными распят
поэт вселенский, будто овощ свежий.
Ревную. Но по имени тебя
не назову - боюсь, услышат дети,
а как ты изощренно хороша
в халатике безумном на рассвете.
Как ты волшебна! Как вторгаясь в сны
приобретаешь крутизну луны,
выкрикиваешь догмы в женсовете.
Как чудодействует твоя простая речь
взять звуки неугодные и бросить
в подвал промерзлый. Там пребудет осень.
Ты в осени единственной была,
А я тебя тихонечко спасу -
родившуюся вовсе не для денег,
воспрянувшую между двух Америк.
В ладошках огонечком пронесу
на мой любовью освещенный берег

Мне тебя не выдумать-
ты сама как песня.
Пропадет и вновь придет,
словно сон зимой.
Золотая наша жизнь:
пей, рыдай, да смеяся,
плач отловленный тобой
нас ведет домой.
Мы не режем себе вен,
нервы как канаты,
балдахины под луной-
нам ведь в них не спать.
Строчки нам поводыри,
рифмы нам солдаты,
а сонетов блудный гам -
нам в степи кровать,
вецевой мешок идей,
только не для денег,
мелкой речки по пути
нам не пересечь.
Остров маленький любви
каждой утке верен.
Берег брошенной любви -
шарик редких встреч.
Мы на берегу с тобой
костерок заладим,
пусть пребудет вечный спор -
здесь матриархат.
Только ты представь меня,
возвеличья ради
на всю жизнь оставаться пском
у любезных врат

ВАЛЬС ШОПЕНА

След от копыта молодой коровы,
которую живьем свели в колхоз.
В нем молоко.

И также я кричу порой во сне: -
Живьем не дамся!

Сзади только мины,
чтоб истребить таких, как я,
бесславных.

И бабы у калитки сквозь ладошки
стоят и смотрят -

вот опять ведут.

Назад нельзя - там мины!

Впереди овраг глубокий
со стеклами, крапивой и камнями.
Там жернова расколоты на части,
туда помчался Витька, отступив
от голодухи,
от естествознанья.

Он наступил на брошенные вилы
и ногу проколол
и также воет,
Как сто ягнят
в овчарне перед бурей.

Кончив плакать,
в рубашке грязной,
вши стряхнувиши с тела,
он после тишины заголосил: -
Живьем не дамся! После Мандельштам
на том уж свете молча встрепенулся,
слизнув печаль с рассыпавшихся губ.

А ты, моя хорошая, привстань
с колен, покрытых глупой паутиной
наверченных страстей.

Но где же правда?

Когда играют вальсы,

наши вальсы?

Закрой же глазки, видишь этот зал.

Гусары.

Жбан рассыпавшихся листьев

... я так тебя... но в морду бьет

конвой

одетый в робы. С бантиком на шее

бежит палач, когда-то вместе в школе

учились мы. Писали:

Ма-ма,

Ка-тя,

любовь.

Играли вальс Шопена,

Он, помню, ту дикарку пригласил.

Какое счастье,

друг не промахнется,

ведь он моих стихов не прочитал.

Но был же вальс Шопена, потом затишье,

«Битлз»,

чужие руки, зашелся Леннон,

забабахал Стар.

А мне казалось плачущую ноткой,

как будто рядом

вспыхнув

на палас вошла любовь.

Шопен. Любовь. Откройте шлюзы,

пусть он захлебнется

мою кровью. Тощие поля,

коровы, бабы - все на миг счастливей

вдруг станут. Витька погибал

от самоедства. Руки разомкнулись,

и ты вошла,

проснулась. Федерико

Гарсиа Лорка

плакал над землею.

Он все ж свою Испанию любил.

А нам бы полюбить свои березы

и втиснуть в ночь

такую же, как день,

ненастную, а может выйдет что-то
похожее на прозу поновей.
Теперь уже нам нечего бояться.
Пусть на бульваре дерзкие паяцы
хочут вслед тебе, а может мне.

Два тополя,
две жизни,
две судьбы.
Ты милая, и я опять с тобою!
Ты, милая, прости за поцелуй.
Мой друг ушел,
стрельнув для вида в тучу.
Ты, милая, прости, несчастный случай
нам встречу подарил, не уходи.

Оставь разговоры, остался последний патрон.
Пустырь бесноватый - он, кажется, сводит с ума.
Там нету цветов, только холод подвальный и тьма,
но яркая женщина очень похожа на сон.
О, милая женщина, что там у вас впереди?
Харчей маловато и высох последний ручей,
а там - на закате - мы будем с тобою одни.
Лиловая лебедь, лиловую землю лелей.
О, милая женщина, где ваш неписаный рай?
Спешите покаяться, кончен земной разговор.
А совесть моя - ты живи еще, не умирай.
Пусть бьет меня в ребра - как "скорая помощь" - укор.
И нет ни души, что-то снилось, а что-то ушло.
Восход, надвигайся на плечи мои и согрей.
И так мне печально, торжественно, тихо, светло...
Лиловая лебедь, лиловую землю лелей.

* * *

Не отворяйте двери никому
Гроза застала - не жалей бегущих.
Ты знаешь, я, наверное, умру
среди стихов безжалостных и жгущих.
И вот уже охотится элодей. Он в том углу,
за ширмой иль за печкой.
Он террорист, убивший сто царей,
крадется змием к твоему сердечку.
Ты почему его не прогнала? Смотри - нога!
Копыто или клещи?
И сон мне был, и сон, наверно, вешний...
И разве ты еще не умерла?
Вон твой портрет - весь из кровавых трещин.
А я любил, любил одну тебя
и ненавидел всяких прочих женщин.
Ну, пожалей, ну, похвали меня,
пади к ногам, надеюсь я на чудо,
а ты меня ни капли не любя, сказала:
«Брось, ведь у тебя простуда».
Но как еще не лопнул шар земной? Собаки злы?!

Так бросьте же им кости.
Я ночь тоскую с женщиной одной
и вы ко мне не приходите в гости...

На Пречистенке дождь.
На Пречистенке поздней любовь.
Упадет осторожно комета безумья.
Запах свежеокрашенных липовых рощ,
осторожные краски заката как кровь
и святые заботы отцов в полнолуние.
На Пречистенке март.
На Пречистенке долгой печаль.
И ничто не приходит тепло и внезапно.
Больше нету в колоде некрапленых карт,
и ни капли своих уже больше не жаль,

и желания нету идти по этапу.
И желанья творить меньше, чем умереть,
но взбираться на стул уж пропала охота,
если рядом стоит удивленная кто-то,
и за коркою хлебной приходит стариk.
Он спасает тебя в этот солнечный миг,
Потому-то тебе умирать неохота,
а все больше, все больше желанья
творить, уставать, и желать, и кого-то любить,
уставать и желать, чтоб возвысился кто-то.

ДРУГАЯ НЕЖНОСТЬ

Я ранен в горло чуткою судьбой.
Как будто бы на праздничном на танке
пляшу под суматошную тальянку
и струйки боли черпаю сумой.
Уйду за непривычную ограду
любви и скуки, муки и стыда,
И если есть какая-то вина,
то мне ее не искупить до ада,
а там хлеб горек и стена черна,
И скрип ужасный у больничных коек,
и карлик, весь в зеленоj рвоте воет
и ползает по струнам бытия,
где лес казенно вырублен до пня,
где яд летит стрелою в короля
и молча бьет по хрупкой королеве,
и тронный зал, где вся моя родня
вдруг захлебнется в беспричинном гневе.

РЕБЕНОК, ПРИШЕДШИЙ В ДОЖДЬ

На черном бархате - коричневая шаль.
Зеленый плед окутывает ноги.
Вокруг стоит изменчивый хрусталь.
вокруг следы запутанной дороги.
Ах, это просто жуткий лабиринт.
Слепые пни, и пьяная охота,
и катится невыплаканный бинт
моей дороги, моего болота.
А где-то бьется одиноко сын...
Кидай каменья, тьму разбей седую.
Ты у меня сегодня господин,
я сон твой незаметный зарисую.
И средь набросков, вылетевших рам,
среди хламья, иконной коловерти
придут плясать - на счастье ли? на срам?
мои друзья - непуганные черти.
На черном бархате кричаще бьется нить
не белая, но все-таки живая,
но красной краской хлещут мысли мстить,
а вот кому - я сам не понимаю.
А что мой мозг устал вгрызаться в суть
чужих страстей, расплывчатый осколок...
Зеленый плед и крохотный твой путь,
подранок мой, пришедший в дождь ребенок...

АПРЕЛЬСКИЙ ДНЕВНИК

4 апреля 1995

Разбилась чашка, из которой пью.
Теперь без дна лежит на покрывале.
Я виноват, что до сих пор живу
и не уехал в бездну на трамвае.
Что слишком долго жизнь моя летит
то вверх, то вниз - как нестеровы петли,
а сердце изумленное болит
и зверем бьется о решетку клетки.
Бегу по коридору, жар храня,
опять ее люблю и ненавижу,
но хлещет дождь, любимая моя,
по сказочно красивому Парижу.

*

5 апреля 1995

Читаю сны, которых больше нет.
Ты слушаешь, глаза твои - зигзаги,
и снова расколдовывая, свет
скользит по догорающей бумаге.
Читаю свет, но ты его лови,
прислушайся, опять слова ликуют,
но только пальцем чутким не зови
сквозь память в пыль летящим поцелуем.

*

6 апреля 1995

Московская метель воспоминаний
о доме, о зияющем овраге,
о тесноте недремлющих дворов,
растерянных старушек в подвенечных
нарядах, что им с войн достались вечных.
А где же ты? Ты рядом? Нет тебя...
Был день московский, Долгий как змея.

*

Мой веселый жгучий деспот, на губах твоих помада
из баканов и орехов, из ванильных шоколадок.
Чудеса твои явились мне из Эдемского сада,
у тебя ремень на брючках из удавов и удавок.

У тебя такие пальцы, там весь мир изобличенный,
там такая бездна счастья, там такая чаша горя!
Там такие злые лица на груди твоей горячей,
там ефрейтор обалделый как секс-бомба горько плачет.
У тебя глаза такие, что закрыть их поцелуем,
чтоб другие не любили и как сон не обманули.
Чтоб туда навеки прыгнуть с парашютом безобманным,
чтобы он, подлец, раскрылся перед апельсинной дамбой.
Чтобы счастье горлом пело колыбельную такую,
где тебя я понимаю и, как водится, ревную.
Из ванильных шоколадок, из бананов и орехов
на губах твоих помада так и корчится от смеха,
мой веселый жгучий деспот...

Коррида осенью была.
Коррида женщины и ведьмы
опять в распахнутом пальто
шагнула молча за балкон.
Коррида осенью была,
но очень важен миг последний,
когда ресниц осенний вальс
играет в шуме городском.

О, бездна глаз, о, маленькое чудо,
о, струнный час твоих словес глагольных
без мыслей о бессмысленности блуда.
Мне в первый раз, мне в когни веки больно!
Замалчивай седое время, сказку
о потрясеньях старого дитяти,
зарезавшего прашура на Пасху,
чтоб получить любимую в объятья.
О, дивная усталость сновидений,
корона лет, растреченных впустую.
Вот юная, вот радость песнопений
сомнительных, летящих вхолостую.
Вот выстрел, все пропало подчистую.
С малиной чай. Люблю тебя, ревную.
Роскошный бант, скрипач, горит именье!

ТЕЛЕФОН

Границы открыты - входи в них и царствуй,
а рядом голодные дети постниколаевской власти.
Жалеть их нет смысла, своих пожалейте,
потомкам оставьте.

На флаге простиранном все ж комья грязи.
Чеканно выходят гвардейцы вселенной.
Вселенная - это квартира,
где сам по себе я художник.

Так хочется света и мрака,
любовной затеи без финишной ленты.

Бежит, черным телом сверкая,
“газель” из Ямайки.

Смиряюсь с разбитой аптечкой,
там нет люминала,
там нет криминала, поверьте.

Никто не писал мне проклятий,
никто не страшал телефоном,
а я телефоном тем болен,
тем более он
засекречен в разведке моих экспедиций
блужданных.

Блуждаю, но чувствую - пальцем дрожащим
ты номер с трудом набираешь;
банальная двойка,
потом пара цифр: убирают Никиту,
последние цифры - конец перестройке.

А мне этот голос как воздух,
пощечина доктору из Бухенвальда,
как реквием римскому папе,
умершему в муках.

Глаза закрываю, а нитка доверья уж рвется,
и пуговиц ряд обретает бессмертье,
с балкона срываюсь.

Неужто еще ты меня не забыла,
ведь это для тех, очень скромных объятий
погибель.

Чуток поцелуев на Пасху, на солнечный берег.

- Ты что говоришь мне?! Еще полминуты
Сестричка на проводе нам разрешает.
Бог знает, чем кончимся!
Падает наше давленье,
у каждого есть по подлодке,
пока не всплыvаем!
Но только скажи, все равно ведь не вижу,
но голос чуть дрогнет и я зарыдаю.
Но только скажи, ну, не можешь?
Стихами пронзи мое небо,
я там отдыхаю.
Поместье в барокко
и озеро не замерзает местами.
Открой свои двери, я сам догадаюсь,
когда уходить без надежды вернуться.
Открой хоть на миг свой бокал,
не держи на нем руку.
Взорвемся от скуки несказанных слов,
от бессиля себя изменить.
Теплоты нашей горесть проходит.
Останутся будни. Боюсь оставаться.
Я знаю, ты снова оденешься в кожу из листьев.
да, я не такой - это я притворяюсь. Мне страшно.
Будильник разгромлен лопатой презренья.
Спешить не приходится,
трубы свиданий играют молчанье,
что в нашей сознанье.
Молчанье по Ингмару Бергману зrim неохотно.
Куда уж доступней брести по болоту, опять партизанам,
а ночь гуттаперчевой девочкой тянется к югу.
Ты все мне сказала вселенским молчаньем.
Кричу я: дай руку!
Сорвешься с трапеции хрупкой под куполом цирка!
- Дурак, - говоришь мне, - я номер забыла,
пока что искала сигнал в Тель-Авиве,
заявка на дружбу.
- С каким там евреем назначена встреча?
- Кричи осторожней.
Разведка работает денno и нощно!

- Белье постирает старуха Гингема.
На чистое лягу.
- Я рада, что ты не выходишь из душа.
- Под душем тебя вспоминаю, рифмуется слово.
Прости, если можешь.
- Прощаю, бездельник!
Как грозная мама в чеченском конфликте,
где волосы гаснут из черных в седые.
Давай помолчим, слышишь, сердце гутарит,
со мною бомжуэт, боится расстаться
Вот рядом. Лишь трубка крученая
петлей на миг разделяет.
Я слушаю, сердце твое бьется ровно,
мое же рывками.
Я знаю, тебя этот стук раздражает.
Дыханье сомну, сердце петь перестанет.
Спокойнее, милая, больше уже не тревожься.
Светает.
Иди отдыхай.
Ты ведь за день усталा.
усни хоть под утро.
Спокойной вам ночи, земляне. Прощайте.

Галина Щекина

МАГИЧЕСКИЙ МОМЕНТ

Если судить тексты Архипова по законам, созданным Архиповым, то получается, что поэзию его надо рассматривать с точки зрения кино. И тут найдутся недурные аналогии, т.к. он использует параллельный монтаж, наезд, крупный план, ретроспекции, то есть мир его стихов достаточно многообразный, многогранный. Чаще всего визуальный ряд его стихов настолько зримый, что действительно, можно по этим текстам снимать кино. Такой опыт принадлежит Юрию Ганичеву, автору клипа по стихам Архипова, возможно, это подсказано заголовком книги «Клипы». Если говорить о литературе, то по объемности, панораме охвата, количеству действующих лиц архиповская поэзия более всего похож на роман или, как говорит В. Новоселов - романю, только стихотворную.

Однако даже в кадре фильма ни один персонаж, ни одна мизансцена не происходит случайно, там все выверено заранее, написан подробный сценарий, а когда фильм снимают, делают раскадровку. Герои появляются минута в минуту, музыку идет именно в тот миг, когда герой наклоняется поцеловать героиню... Только мир Архипова не поддается никакой организации. Его герои выходят на сцену все разом, перебивают, а нередко и убивают друг друга, они плачут, смеются, отчиваются, ликуют без всякой мотивации. Все у них спонтанно, неожиданно, много драм, негатива, красоты, физиологии, ужаса, и все это перемешано довольно причудливым образом. То, что нет хаоса, а есть яркие образы – это просто чудо, магическое вмешательство автора в отраженный мир.

Все, что Архипов написал, охватить одним взглядом нельзя. У него в стихах есть тема ранней лирики типа «Мы встретились на кладбище любви» - из первой книги, есть совершенная чернуха - из «Апельсинов», есть жестокая романтическая белогвардейщина, есть эротика, есть высокие до самоотречения чувства, почти вся книжка «Страсти по Эвтерпе» ими пронизана, особенно «Телефон». Благодаря длинным стихам типа «Титаник» автор достигает высокой экспрессии. В «Титанике» перехлест чувству такой, что все летит в тартарары. Вот и шрамик любимой хрустит на зубах... это бесстыдство, отчего читатель минует болевой порог и перестает сочувствовать... В коротких стихах чувство более монофоническое, ясное, всегда вызывающее сочувствие.

Автора, кажется, не занимает вопрос формы. Стихи у него есть и объемные, и очень лаконичные, и романтические и хулиганские, и трагические, и альбомные. Иногда они тяготеют к поэме, как «Избушка», «Апельсины», как «Поэма разноцветных волос». Это много-

мотивность, сложная полифония, переплетение линий, внутренняя увязка. А в другом случае ему довольно двух четверостиший, чтобы поэзия пропела во весь голос. И те, и другие очень эмоциональны, заставляют дрожать.

Поэт Валерий Архипов, породивший новую стихотворную волну в Вологде, сегодня уже не умещается в рамках поэта. Он в восторгом воспринимает молодые поэтические голоса: “Они пишут так круто, что заставляют писать еще круче.” Он единственный из пишущих сегодня может великодушно сказать: “Она пишет лучше меня.” На заседаниях литклуба “Ступени” Архипов выступает как один из самых гуманных критиков, слушая его, поневоле вспомнишь Сопинское “Критика – не санитарка, она сестра милосердия”. Из-под пера Валерия Архипова вышло огромное количество откликов и рецензий, почти каждая из них – ключ к творчеству комментируемого. С полным правом это высказывание относится и к редакторской работе В. Архипова. Он тонкий психолог, умеет войти в мир любого поэта, ничего не нарушая, но осторожно подчеркивая авторские открытия.

В свое время пьеса “Время выгула собак или Розовый рай” получила положительную оценку мастера лингвистического семинара В. Цыбина, а собратья по перу в обсуждении этой пьесы выступали как режиссеры, ибо каждый начиндал речь словами: “Я понимаю это как...” или “Я вижу это как...” Текст допускает множество толкований, как эротических, так и политических, автор сам признался, что аналогии с государственной монархией тоже возможна. Действие происходит в психушке, где лежат одни женщины, туда приезжает полицейский расследовать убийство, и попадает в эротическую малину, где все жаждут любовного приключения. Каждая женщина хочет привлечь внимание и удержать власть, каждая по очереди берет на себя убийство, но всего лишь для того, чтобы завоевать мужчину...

По-прежнему остается неопубликованной загадочная проза Архипова («Дюймовочка»), в которой он раскрывается как прозаик, повествователь и мастер сюжетной интриги.

Сочные, выпуклые детали характерны для рассказов Валерия Архипова «Мадмуазель» и «Телефонная сюита» («Свечи № 10/2006). Блестящие портретные характеристики героев поданы лаконичными штрихами и диалогами. Как же сочетается в творениях одного человека столько жанров? При помощи особого волшебства, магически? Объяснения этому нет, остается только поверить. Да, он волшебник, потому что он все может.

Особое место занимают в его творчестве посвящения. Они могут быть тайные и явные, они могут проходить внутри и могут прямо декларироваться. То, что существует реальная Муз «Страстей по Евтерпе» - это не открытие, а еще одно подтверждение, что Архипов – любовный, лирический поэт, хотя язык его неожидан в любви и по-

рой неласков. Он столь же резок, сколь режут его все эти страсти, что и создает у читателя физическое ощущение боли и нежности.

Валерий Архипов – кажется, единственный современный вологодский поэт, который так последовательно и стойко выражает рыцарское отношение к Женщине. О женских образах Архипова можно прощать в сборнике «Валерий Архипов крупным планом». Образ женщины, Прекрасной Дамы, остается в его творчестве главным. И все-таки много нового обнаружит читатель в книге «Выдумки мага». Главная героиня – больше не жертва, как это было в ранних стихах, не предмет страстей, она становится тайной. Больше нет безумных порывов, «девичьи перси заголя», теперь все явственней мотив грустной улыбки и прощания издали:

«С «телефонной сюитой» свою паутиночку ткёшь,
чтоб навеки оставаться нетронутой, но незабытой».

Поэт не шокирует, не берет на испуг, не взывает пространство. Он пишет «стихи о любви без объятий и всяческих кружев. Он преображает его одним взором, не прикасаясь, лишь немо боготворя. И пусть судьба приходит как старуха, она больше не страшна, у нее нет власти над воображением... Счастье становится сном, а выдумки мага вполне годятся на то, чтобы исполнять капризы королевы, не так ли. Королевы по имени Поэзия.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1 ВСТРЕЧИ И РАССТАВАНЬЯ

Сначала расставанья.....	3
Я не спал эту ночь.....	3
Последняя осень.....	4
Смотрю, как безумные рвутся олени.....	5
Басурманят опять снегири.....	5
Она сегодня плачет от дождя.....	6
Седобородый старец января.....	6
Вот снов а дверь.....	7
Фриволен бег твоих изящных рук.....	7
За какой такой грех.....	8
С тобой я пью вино.....	8
Я преклонюсь.....	9
Беда.....	9
Про тебя.....	10
По страницам книг печальных.....	10
Летяще.....	11
Стихнет лопата.....	11

АНГЕЛ МОЙ, АНГЕЛ.....	12
Вот опять наступили в миру холода.....	12
Падай мне в руки.....	13
Кричали птицы в розовой заре.....	13
Этот славный кошмар.....	14

В мертвом озере.....	15
Голос тайный, голос чудный.....	15
Тропа привела на задворки.....	16
Я рву твои стихи.....	16
Рвутся струны гортани.....	17
И вспыхнет над лесом.....	17
На голое тело халатик накинь-ка.....	18
А когда ты пришла на рассвете.....	19
Осень (Сегодня велик он...)	19
Мечты о белом рояле.....	20
В безумии своем удача не права.....	21
Скажи губами, черными от лжи.....	21

ВОСЬМИСТИШИЯ.....	22
Мой вечер.....	23
Губы.....	23
Я думал, что праздник.....	23
Тщеславия веселый уголок.....	24
Какая она. словно выпавший снег.....	24
Словесной дуэлью я был накануне убит.....	24
А может вы нагая мне близки.....	24
Вот я с тобой.....	25

ИЗ НОВОГО	
Панский пирог.....	25
Взяв залитый квасом бубен.....	26
Где там гонец.....	27
ИЗ ПРОШЛОГО	
Добрый сказочник - грех.....	27
За елочкой.....	28
Падкий папоротник пляшет.....	28
Окайный.....	29
Мой невесте ноги.....	30
Играем Стриндберга.....	30
Будет февраль.....	31
Часть 2. СТРАСТИ ПО ЭВТРПЕ	
Поэма разноцветных волос.....	32
Белое.....	32
Зеленое.....	33
Желтое.....	33
Черное.....	35
Красное	36
Будь мою суженой	38
Две памяти	38
Посмотри-ка, у меня гордости немного.....	39
Посади мою печаль в ломаные санки.....	40
Играй, Лель	40
Мы - скальды	41
Санта-Клаус умер.....	41
Разбили стекла в наших витражах	42
Мне тебя не выдумать	43
Вальс Шопена	44
Оставь разговоры	46
Не отворяйте двери никому.....	47
На Пречистенке	47
Другая нежность.....	48
Ребенок, пришедший в дождь	49
Апрельский дневник	50
Мой веселый жгучий деспот	50
Коррида осенью	51
О, бездна глаз.....	51
Телефон	52
Магический момент. Послесловие Г. Щекиной.....	55

АРХИПОВ ВАЛЕРИЙ ДМИТРИЕВИЧ. ВЫДУМКИ МАГА :
[стихи].Объем 60 стр
Набор - Н. Усанова, Г.Щекина. Послесловие
Г Щекиной.На обложке графика Е. Шиперова из коллекции
Н. Сучковой. Вологда. Свеча. 2008.
Тираж 100 экз

графика евгения шиперова

